Дэниел пришёл в себя от смутного шума. Сквозь звуки шагов в коридоре отеля до него донеслись знакомые голоса. Похоже, члены команды, остановившиеся на том же этаже, собирались на работу.

С трудом открыв глаза, Дэниел повернул голову и увидел, что Алек тоже проснулся: он тёр глаза и, сидя на кровати, пил воду.

Похоже, Алек проснулся чуть раньше, но оба выглядели ужасно. Внезапно посчитав ситуацию забавной, Дэниел тихо усмехнулся.

— Дэниел? Ты там?

Неожиданное событие произошло как раз в тот момент, когда шум начал стихать.

Механическое чириканье — вероятно, от дверного звонка — громко разнеслось по коридору.

Дэниел резко открыл глаза. Единственным человеком, который мог прийти в такую рань, была одна из сотрудниц, прикреплённых к команде Featherway вместо его менеджера.

— Ничего, если не отвечать?

— Тш-ш!

Дэниел, взглянув на часы, на которых уже было больше десяти, без малейшего колебания бросился вперёд и закрыл Алеку рот рукой.

Алек, едва не выронив стакан с водой, недовольно нахмурился. Поставив стакан на тумбочку, он резко убрал его руку.

— Что ты делаешь?

— Просто помолчи немного. Пока она не уйдёт.

— Просто открой дверь. Можно сказать, чтобы она шла вперёд, раз ты опоздаешь, разве нет?

— Я же сказал тебе заткнуться, ты не можешь…?!

В панике Дэниел снова и снова пытался закрыть ему рот ладонями, из-за чего морщина между бровей Алека стала глубже.

До вчерашнего дня он пользовался этим номером один, и если персонал услышит утром голос другого мужчины, это покажется странным. И это ещё не всё — они ведь были близки этой ночью.

По сравнению с его собственной тревогой Алек вообще не выглядел встревоженным. Он спокойно предлагал отправить её вперёд, но если бы он повёл себя неосторожно, а сотрудница ответила бы, что подождёт, в неловком положении оказался бы только Дэниел.

Звонок прозвучал ещё пару раз, прежде чем, наконец стих.

Дэниел настороженно прислушался, пытаясь понять, удаляются ли шаги сотрудницы. Из-за коврового покрытия в коридоре звуки были приглушенными. Зато Алек, наблюдавший за сценой со скрещенными на груди руками, не скрывал ошарашенного выражения лица.

Вскоре напряжённые плечи Дэниела опустились.

— Ладно. Кажется, она ушла.

— Дэниел, ты поистине мастер усложнять себе жизнь. Похоже, ты по-настоящему любишь острые ощущения.

Опять он несёт чушь.

Его обнажённый торс был выточен с идеальными пропорциями, словно статуя Давида, но всё, что слетало с его губ, казалось сплошной нелепицей.

Дэниел теперь был уверен: внешность этого человека — не что иное, как божий способ уравновесить мир.

— Ты вообще понимаешь, что скажет персонал, если спонсор команды выйдет из номера игрока, который, по их мнению, пустует? Так сложно просто помолчать?

— Ты издеваешься? Я что, какой-то сукин сын, изменяющий на «свидании», чтобы мне надо было от кого-то прятаться?

— Блин, забудь.

— Блин?

Алек посмотрел на него с выражением полного изумления. Он уже собирался спросить, не решил ли тот окончательно слететь с катушек, но остановился — взгляд упал на тело Дэниела раньше, чем он успел что-то сказать.

Утром Дэниел выглядел совсем иначе, чем на рассвете.

Ещё вчера он был холодным и безжизненным. С лицом, будто выстроившим вокруг себя высокую стену, за которую никого не пустят, он заставлял сердце проваливаться в бездну, но теперь выглядел тёплым, как солнечный свет над Альпами с их вечными снегами.

Слегка опущенные глаза Дэниела, даже когда он поднимал взгляд, казались мягче из-за густых ресниц, а губы, слегка припухшие и потрескавшиеся от укусов, выглядели ярко-красными.

Он действительно выглядел соблазнительно. Гнев Алека начал спадать. Неосознаваемая красота опасна. А если она сочетается с притягательностью, разрушительная сила удваивается.

Персиковая кожа Дэниела была покрыта заметными следами, напоминавшими укусы насекомых. После такой бурной ночи невозможно было остаться невредимым. Особенно беспорядочно выглядели пятна и покраснения вокруг ключиц. Было очевидно, что показываться людям в таком виде нельзя.

Алек силой отодвинул в самый дальний угол сознания мысль о том, что им, возможно, придётся покинуть отель по отдельности.

Тем временем Дэниел, тихо простонав, застыл в той позе, в которой пытался подняться. То, как его рука непроизвольно потянулась к бедру, ясно давало понять, что ночные события серьёзно нагрузили его тело.

И всё же он не рухнул обратно. Дэниел крепко натянул на себя простыню и глубоко вдохнул. Ощущение чужеродности внутри было явным, но этот поезд уже ушёл.

Сначала — собраться.

Словно у другого мужчины ход мыслей был похожим, он резко надел рубашку, которую до этого снял, и попытался помочь Дэниелу подняться. Дэниел, уже направлявшийся в сторону ванной, быстро опередил его.

— Я пойду умоюсь первым. Мне нужно немного времени, чтобы собраться с мыслями.

— Я не против, но о чём ты вообще собираешься думать?

— О разном. Это недолго, подожди, пожалуйста. В Риме поступай, как римляне.

Причин останавливать его не было, и Алек кивнул в знак согласия, но вскоре на его лице появилась озорная улыбка. Он бросил в спину Дэниелу, который уже входил в ванную:

— Есть ещё вариант — пойти вместе.

— Римское право, статья первая. Не умничай.

Дэниел резко ответил и захлопнул дверь ванной.

Струи воды, льющиеся сверху, постепенно расслабили застывшие мышцы. Все суставы ныли после прошедшей ночи, а местами ощущалась заметная припухлость.

Он сам позволил обращаться с собой как угодно, но этот мужчина, жадно исполнявший свои желания так, словно давно этого ждал, раздражающе не испытывал ни капли стыда. И всё же эту сторону его натуры он не ненавидел. Доказательством служило то, что он сам тоже получил удовольствие, а разум был на удивление ясным, словно ничего не произошло.

Через двадцать минут Дэниел вышел из ванной. Душ занял больше времени, чем он ожидал, но Алек не сказал ни слова и сразу же зашёл внутрь. Благодаря этому у него появилось немного времени, чтобы собрать мысли.

Когда Алек вышел после душа, его лицо выглядело заметно свежее. Однако по тому, что сосуды в глазах всё ещё были налиты кровью, было ясно, что этой ночью он тоже пережил что-то крайне изматывающее. Чем он вообще занимался прошлой ночью?

Дэниел протянул ему чашку кофе, приготовленного с помощью эспрессо-машины в номере. Пора было отложить любопытство.

— Если ты уже немного пришёл в себя, давай поговорим, директор.

— Буду говорить, если уберёшь «директор».

— …Давай поговорим, Алек.

— Давай. Нам действительно есть о чём поговорить. Начнём по хронологии? Или в обратном порядке?

— По важности.

Горячий кофе во рту будто немного развязал ему язык. Дэниел устроился на столе и посмотрел на мужчину, стоящего у зеркала в комнате, прикусив внутреннюю сторону щеки.

Алек тоже выглядел спокойным, словно успел привести мысли в порядок за время душа.

— Во-первых…

Дэниел, подбирая слова, прокашлялся. У него не было таланта ходить вокруг да около.

— То, что мы делали сегодня утром, было неплохо, но возникла бы проблема, если бы ты ожидал, что я стану идиотом, которого будут вести за собой слова спонсора только потому, что у нас однажды был секс.

— …Разве ты только что не сказал, что мы должны говорить о важном?

— Я и говорю о важном. По крайней мере, для меня это важно.

Алек ничего не ответил.

Не потому, что не мог, а потому, что не хотел. У римского права, на которое ссылался Дэниел, должна была быть вторая статья: не нести чушь.

Ожидать, что он станет идиотом, которого будут вести за собой слова спонсора? Что за нелепость.

За всё это время Дэниел Линдберг ни разу не позволил ему себя «тащить». По крайней мере, так думал Алек.

— И ещё… прости, что тогда в больнице свалил всё на тебя.

Да, вот так.

— Я тогда был очень зол. Я провалил гонку, внутри всё кипело, и я просто выпалил всё подряд — и то, что следовало говорить, и то, что не следовало. Но в итоге ты был прав. Восемьдесят процентов случившегося — это потому, что я не справился со своими людьми.

— …

— Прости. Я тогда несправедливо разозлился.

Его голос, произносивший серьёзные извинения без тени злости, звучал непривычно.

Это было по-настоящему искреннее извинение. Алеку даже пришлось признать, что Дэниел умеет идти напролом даже тогда, когда извиняется.

Перед таким честным противником, если он устроит детскую сцену, он сам будет выглядеть мелочным. То, как Дэниел незаметно отрезал ему путь к отступлению, было слишком тонко.

Алек вздохнул, сделал глоток кофе и кивнул.

— Я принимаю твои извинения.

— …Если ты собирался так легко их принять, зачем не отвечал на звонки?

— …

— Нет, я не ищу, к чему придраться. Почему ты не отвечал? Ты ведь наверняка понимал, что я звоню, чтобы извиниться.

— Я не хотел это слышать. И не хотел снова возвращаться к ссоре. Если бы ты пришёл вот так, я, кажется, всё равно принял бы извинения первым, как бы зол ни был.

— …

И в то же время он должен был признать: как бы абсурдно это ни звучало, он стал человеком, чьё настроение колебалось из-за одной-единственной фразы Дэниела Линдберга, словно у него не осталось гордости. И он прекрасно понимал, что это значит.

http://bllate.org/book/17841/1739232